

УИЛЬЯМ МОРРИС

ПОВЕСТЬ О НЕВЕДОМОЙ ЦЕРКВИ

Часть сборника: Воды Дивных Островов (сборник)

Уильям Моррис
Повесть о неведомой церкви

«ЭКСМО»

1856

Моррис У.

Повесть о неведомой церкви / У. Моррис — «Эксмо», 1856

«Зодчий и каменотёс, более шести веков назад я возводил церковь; двести лет уже минуло с той поры, как храм этот исчез с лица земли; он разрушился полностью – так, что не сохранилось ничего, даже могучих столпов, что поддерживали башню на перекрещенье, там, где хоры соединяются с нефом. Никто не ведаёт теперь, даже где находилась эта церковь; только осенью, если знать место, можно заметить некоторые неровности, оставленные погребёнными руинами на плавных волнах золотого пшеничного поля, так что и ныне место, на котором стояла моя церковь, имеет облик столь же прекрасный, как и тогда, когда она высилась на нём во всём великолепии. Я не слишком хорошо помню край, где стояла она, я позабыл самое имя его, только знаю, что был он прекрасен; вот и теперь, когда я подумал о нём, потоком хлынули давние воспоминания, и я едва ли не вижу её вновь – такую прекрасную прежде землю!..»

© Моррис У., 1856

© Эксмо, 1856

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Уильям Моррис

Повесть о неведомой церкви

Зодчий и каменотёс, более шести веков назад я возводил церковь; двести лет уже минуло с той поры, как храм этот исчез с лица земли; он разрушился полностью – так, что не сохранилось ничего, даже могучих столпов, что поддерживали башню на перекрещенье, там, где хоры соединяются с нефом. Никто не ведаёт теперь, даже где находилась эта церковь; только осенью, если знать место, можно заметить некоторые неровности, оставленные погребёнными руинами на плавных волнах золотого пшеничного поля, так что и ныне место, на котором стояла моя церковь, имеет облик столь же прекрасный, как и тогда, когда она высилась на нём во всём великолепии. Я не слишком хорошо помню край, где стояла она, я позабыл самое имя его, только знаю, что был он прекрасен; вот и теперь, когда я подумал о нём, потоком хлынули давние воспоминания, и я едва ли не вижу её вновь – такую прекрасную прежде землю! Смутно вырисовывается она в моей памяти весной, и летом, и зимой, но отчётливей всего я вижу её осенью, да, всё ясней и ясней, – светлую, яркую и великолепную! И всё же она была прекрасна и весной, когда буря почва только начинала покрываться зеленью; прекрасна и летом, когда голубое небо становилось особенно синим, после того как мне удавалось заключить кусочек его в рамку свежестёсанного белого камня; прекрасна торжественными звёздными ночами, торжественными буквально до муки – ибо трепет и счастье даровали они своей великой красотой. Но из всего великолепия прежних времен я хорошо помню одну только осень... Прочие воспоминания являются ко мне частями, я могу думать лишь о каких-то деталях, но осень целиком передо мной. Однако из всех осенних дней и ночей один запомнился мне наиболее чётко. В тот осенний день было уже недалеко до завершения стройки, и монахи, для которых мы возводили тот храм, и люди из ближнего городка нередко окружали нас, чтобы посмотреть, как камень превращается в резные рельефы.

Огромная церковь и строения Аббатства, где жили монахи, находились в трёх милях от города, который высился на холме над богатым осенним краем; город опоясывали огромные стены с нависающими парапетами, и по всей длине их то тут, то там поднимались башни. Часто замечали мы с церковного двора или из сада Аббатства блеск шлемов и копий, неясное трепетание знамён, когда знатные рыцари расхаживали взад и вперёд по стенам; ещё мы видели в городе три шпиля над тремя церквями; шпиль над кафедральным собором, самый высокий из трёх, был целиком позолочен, и ночью на нём светил великий фонарь, подвешенный посередине между крышей храма и крестом на самом верху. Аббатство, где мы возводили церковь, было ограждено не каменными стенами, а кольцом тополей, и пролетающий над ними ветерок заставлял листья трепетать даже своим лёгким дыханием, а когда набирал силу, деревья сгибались и клонились к земле. Прикасаясь к листьям, ветер поворачивал их кверху серебряным низом, а потом отпускал, превращая деревья то в зелёные, то в белые. Ну а за кронами и стволами тополей угадывалось безбрежное море золотых колосьев, ходивших волнами под дуновением на лиги и лиги¹. Среди золотых хлебов пылали алые маки и синели васильки, настолько яркие, что они как бы светились собственным светом. Море колосьев ниткой пронизывала синяя речка, изгибам её следовали зелёные луга и цепочки высоких тополей. Старая церковь, стоявшая на этом месте, сгорела, вот почему монахи наняли меня строить новую. Строения Аббатства были возведены одновременно со сгоревшей церковью – более чем за век до моего рождения; они располагались к северу от храма и соединялись с ним крытой галереей с округлыми арками. За аркадой пряталась лужайка, а в середине неё был устроен мраморный фонтан, отовсюду украшенный цветами и фигурками неведомых животных; по краю

¹ Лига – мера длины, равная 4,83 км.

лужайки у круглых арок кивали жёлтыми головами подсолнухи, стоявшие тогда в самом цвету; по опорам аркады карабкались страстоцветы и розы. Поодаль от церкви, за аркадой и монастырскими строениями, угадывались отдельные службы, окружённые просторным садом, и всё это умещалось в кольце тополей. В саду по шпалерам поднимались розы, выюнки и плети крупнолистной огненной настурции; особенно много садовых решёток было у тополей, их затягивали тёмно-пунцовые розы; в цвету стояли и мальвы – огромные шпильки, розовые и оранжевые, красные и белые, стремившиеся вверх над мягкими буроватыми листьями. Я сказал, что на подпорках под тополями кроме роз ничто не росло, но это не совсем так, потому что извне в сад вползали полевые цветы: пышный и зелёный переступень с зеленовато-белыми лепестками, растущий так быстро, что глаз едва ли замечает движение стеблей, и смертоносный, но прекрасный паслён, белладонна, и красная ягода, и пурпурный с жёлтыми шипами цветок, и жёсткий тёмно-зелёный лист – всё росло вместе в славные дни ранней осени. А посреди сада находился колодец, украшенный богатой резьбой, изображавшей сценки из Библии, а между ними, как и на фонтане в центре монастыря, вырезаны были многочисленные цветы и странные звери. Церковь со всех сторон, кроме севера, окружало кладбище, где лежали многие из монахов и мирян, и нередко ближние упокоившихся здесь людей сажали цветы на могилах своих любимых. Одна из этих могил особенно запомнилась мне: в головах её стоял резной деревянный крест, у подножия его венчиками к кресту поднимались три высоких подсолнуха, посреди же кладбища находился каменный крест, на одной стороне которого вырезано было Распятие Господа нашего Иисуса Христа, а на другой – Владычица наша с Божественным младенцем. Поэтому в тот день, что так запомнился мне, в самом начале осени, когда храм уже был почти завершён, я резал камень в центральном портале западного фасада – ибо все рельефы его высек собственной рукой; внизу сестра моя, Маргарет, трудилась над цветами и маленькими четырёхлистниками, посреди которых изображены были знаки зодиака и символы месяцев. Сестре моей в то время уже исполнилось двадцать лет, и она была прекрасна: с тёмно-каштановыми волосами сочетались глубокие и спокойные фиалковые глаза. Я жил рядом с ней всю свою жизнь, а последние годы мы провели и вовсе вдвоём, потому что отец и мать наши скончались, когда она была ещё совсем юна; я очень любил Маргарет, хотя не думал об этом в тот день, когда, стоя подо мной, она резала камень. Барельеф центрального портала изображал воскрешение мёртвых, ангелы наверху дули в длинные трубы, а Михаил Архангел взвешивал души; заслуживших блаженство ангелы уносили на небо, а падшие отправлялись к дьяволу – в пекло. А над всеми ними изображён был Судия Мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.